DOI: 10.31249/rsm/2025.04.05

П.М. Мозиас, М.Т. Календарова

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СПОР В ВОСТОЧНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ И СОВРЕМЕННЫЕ СМЫСЛЫ

Аннотация. *В статье проводится комплексное исследование территориального конфликта между Китайской Народной Республикой и Японией в Восточно-Китайском море – спора о принадлежности архипелага Сенкаку (Дяоюйдао). Рассматриваются исторические предпосылки спора, включая последствия китайско-японской войны 1894–1895 гг., политику колониальной экспансии Японии, влияние решений, принятых по итогам Второй мировой войны и в ходе холодной войны. Подробно анализируется развитие конфликта с 1970-х годов до начала XXI в., когда экономический подъем Китая и ослабление японской экономики стали катализаторами изменения баланса сил в регионе.*

Показано, что территориальный конфликт имеет сложную природу, в которой переплетаются политические, экономические и символические аспекты. Приводятся актуальные данные о структуре и масштабах морской экономики двух стран, в том числе о судостроении, морской торговле, энергетике и рыболовстве. Отдельно исследуется международный контекст конфликта: позиция США в рамках американо-японского Договора безопасности, реакция других стран региона на конфликт и влияние данного спора на общую систему безопасности в Восточной Азии.

Раскрывается значение конфликта для Российской Федерации. Показано, что Россия объективно заинтересована в сохранении стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, поскольку имеет отношения стратегического партнерства с Китаем и одновременно территориальные разногласия с Японией по вопросу Курильских островов. Аргументируется, что для России наилучшей позицией является сохранение нейтралитета, это позволит поддерживать баланс интересов, избегать вовлечения в противостояние между Китаем, Японией и США, а также сохранять пространство для маневра в двусторонних отношениях с каждым из участников спора.

Ключевые слова: *Восточно-Китайское море; Китай; Япония; территориальный конфликт; морское хозяйство; международное право; талассократия.*

Мозиас Пётр Михайлович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), доцент департамента мировой экономики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Россия, Москва.
E-mail: pmozias@hse.ru

Календарова Мадина Тургуновна – студентка факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Россия, Москва.
E-mail: mkalendarova@edu.hse.ru

Mozias P.M., Kalendarova M.T.

Territorial dispute in the East China Sea: historical roots and contemporary interpretations

Abstract. *The article provides a comprehensive analysis of the territorial dispute between the People's Republic of China and Japan in the East China Sea, centered on the contested Senkaku (Diaoyu Dao) Islands. It explores the historical background of the conflict, tracing its origins to the late nineteenth century, including the aftermath of the First Sino-Japanese War of 1894–1895, Japan's colonial expansion, and the geopolitical decisions made following World War II and during the Cold War. The paper examines the evolution of the dispute from the 1970s to the early twenty-first century, emphasizing how China's rapid economic growth and Japan's relative economic stagnation have reshaped the regional balance of power.*

The study demonstrates that the territorial conflict in the East China Sea has a multifaceted character, combining political, economic, and symbolic dimensions. Particular attention is paid to the role of the maritime economy in both China and Japan as a critical factor in their national security and development. The article presents current data on the structure and scale of the two countries' maritime industries, including shipbuilding, maritime trade, energy, and fisheries. The international dimension of the dispute is analyzed in detail, including the position of the United States under the U.S.–Japan Security Treaty, the responses of other regional actors, and the broader implications of the conflict for East Asian security.

The paper also assesses the significance of the conflict for the Russian Federation. Although Russia is not directly involved, it has strategic interests in maintaining regional stability due to its partnership with China and its unresolved territorial dispute with Japan over the Kuril Islands. It is argued that neutrality remains the most pragmatic policy for Russia, allowing it to preserve flexibility in relations with both China and Japan while avoiding entanglement in the broader geopolitical confrontation.

Keywords: *East China Sea; China; Japan; territorial conflict; maritime economy; international law; thalassocracy.*

Mozias Petr Mikhailovich – PhD in Economics, Leading Researcher of Department of Asia and Africa of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN); Associate Professor of Department of World Economy of National Research University Higher School of Economics. Russia, Moscow.
E-mail: pmozias@hse.ru

Kalendarova Madina Turgunovna – student at the Faculty of World Economics and World Politics at the National Research University Higher School of Economics. Russia, Moscow.
E-mail: mkalendarova@edu.hse.ru

Введение

Территориальный конфликт в Восточно-Китайском море (ВКМ) имеет давние исторические корни, однако долгое время он оставался вялотекущим и не переходил в острую фазу. Ситуация изменилась в 2012 г., когда Япония решила национализировать несколько спорных островов, находившихся формально в частной собственности японских граждан, что вызвало резкую реакцию со стороны Китайской Народной Республики (КНР) и послужило толчком к обострению двусторонних отношений. Усиление внешнеполитической активности Токио при Синдзо Абэ (на посту премьер-министра в 2012–2020 гг.) также стало важным фактором эскалации.

Территориальный конфликт между двумя государствами может перерасти в масштабную международную проблему, особенно с учетом обязательств США по защите Японии в рамках двустороннего союза. Также он имеет немалое значение и для Российской Федерации. Российско-китайские отношения ныне характеризуются как стратегическое партнерство, активно развивающееся в политической, экономической и военной сферах. В то же время между Россией и Японией не заключен мирный договор, и японская сторона оспаривает принадлежность части Курильских островов («Северных территорий» в японской терминологии). Развитие китайско-японского территориального спора может косвенно повлиять и на российские интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

В настоящей статье выявляются причины важности для КНР и Японии принадлежности архипелага и акваторий в ВКМ; прослеживаются динамика развития конфликта и соотношение его экономического и политического аспектов; исследуется международный контекст территориального спора.

Политико-экономические предпосылки и институциональные условия для территориального спора в ВКМ

Морские пути – артерии мира, линии связи, маршруты власти; кто контролирует их, тот диктует свои условия. Испокон веков открытие морской торговли было точкой невозврата, с которой начиналось противостояние великих держав. Китай и Япония входят в число государств, которые за последние 200 лет наиболее активно участвовали в международных конфликтах. По подсчетам Л.В. Дериглазовой, Китай участвовал в 52 международных конфликтах, Япония – в 50 [Дериглазова 2013, с. 140].

Некоторые причины возникновения конфликтов можно объяснить принадлежностью государств к определенному типу цивилизации. По мнению российского географа и социолога Л.И. Мечникова [Мечников 2013], цивилизации проходят три стадии развития (речную, морскую и океаническую), а особенности физико-географической среды серьезно влияют на историческую судьбу народов, иногда предоставляя одним преимущество и доминирующее положение по сравнению с другими. Цивилизация, по Л.И. Мечникову, основывается на берегу реки, которая становится ключевой для ее выживания. Постепенно цивилизация расширяется за счет близлежащих территорий и выходит к морю, становясь морской, а при условии поступательного развития – океанической.

По этой теории Япония и КНР в настоящее время находятся на этапе морских цивилизаций, а переход одной из них на океанический этап может означать установление контроля над Южно-Китайским морем (ЮКМ) – стратегически важным регионом, обеспечивающим свободный выход в Индийский и Тихий океаны. Находясь в одном регионе, имея одинаково высокие амбиции, страны являются соперницами в данном переходе, так как каждой из них одновременно нужно самой стать океанической цивилизацией и попытаться не дать другой стране совершить переход.

Согласно концепции американского ученого Х. Маккиндера [Маккиндер 2023], цивилизации делятся на талассократии («цивилизации Моря») и теллурократии («цивилизации Суши»). Эта концепция дуализма цивилизаций лежит в основе его геополитической теории, сравнивающей мобильность и торговую ориентацию морских держав со стабильностью и ресурсной независимостью сухопутных держав. Талассократии в основном ориентируются на освоение прибрежных зон, стремятся развивать мобильность, торговлю и инновации, часто создают военно-морские базы для защиты и контроля стратегически важных торговых путей. Теллурократии, отличающиеся от талассократий стратегической изоляцией и наличием богатых природных ресурсов, могут оказывать давление на соседние регионы благодаря своему центральному расположению, а для усиления своей геополитической позиции они осуществляют экспансию на прибрежные территории.

С точки зрения теории Х. Маккиндера, Китай – теллурократия, континентальная держава с глубокими историческими корнями, традиционно ориентированная на внутренние ресурсы и развитие сухопутной мощи. Япония, в свою очередь, – талассократия в чистом виде, островное государство с давними морскими традициями, сильно зависящее от торговли (для обеспечения себя ресурсами) и инноваций. Китай как теллурократия стремится укрепить свои позиции одновременно на суше и море, например, осуществляя модернизацию военно-морского флота или регулярное патрулирование спорных зон. Япония же как талассократия старается активно развивать свои военно-морские силы (это может включать в себя модернизацию флота, создание систем

противовоздушной обороны и военный союз с США), пытаясь предупредить угрозы, исходящие из моря, например, китайскую экспансию в ВКМ.

Морские конфликты представляют собой особую разновидность международных противостояний, где тесно переплетаются политические, экономические и стратегические интересы государств. С точки зрения популярной в политологии школы неореализма они отражают борьбу за выживание и безопасность в анархичной международной системе: каждое государство стремится укрепить контроль над акваториями, обеспечивающими ему доступ к ресурсам, транспортным путям и военному присутствию. Причинами таких споров могут быть не только вопросы суверенитета и демаркации морских границ, но и противоречия в сферах безопасности судоходства, размещения военных баз, а также отстаивание национальных интересов в стратегически важных регионах (см. подробнее: [Бессам 2022]). В экономическом плане морские конфликты часто возникают из-за распределения богатств океана – рыболовных зон, нефтегазовых месторождений, запасов полезных ископаемых на шельфе. Именно экономическая значимость морей усиливает напряженность между странами, чьи интересы пересекаются на ограниченных морских пространствах. Таким образом, природа морских конфликтов тесно связана с функционированием и развитием морской экономики, включающей судостроение, портовую деятельность, морские перевозки, добычу ресурсов на континентальном шельфе, рыболовство и аквакультуру, морской туризм. Эта взаимосвязь особенно ярко проявляется в странах, чьи экономики во многом зависят от моря, таких, как Китай и Япония.

Морское хозяйство КНР – одна из наиболее быстро развивающихся и крупнейших сфер в экономике страны, что подтверждается объемом валового морского продукта, который в 2024 г. достиг 10,54 трлн юаней, или 1,4 трлн долл. США (8% от общего валового внутреннего продукта) [China's Marine Economy Hits Record… 2025]. КНР – мировой лидер по производству рыбы и морепродуктов. Согласно отчету Министерства сельского хозяйства США, объем производства морепродуктов в КНР составил в 2024 г. около 74,1 млн метрических тонн, что на 4% больше по сравнению с 2023 г. [China: 2025. China Fishery Products Report 2025].

КНР имеет морской торговый флот, насчитывающий свыше 2 тыс. судов с общим тоннажем свыше 160 млн т (около 10% от мирового тоннажа). В стране работают свыше 240 международных морских компаний и около 1,2 тыс. каботажных и речных перевозчиков. Международные маршруты связывают КНР с более чем 1 тыс. портов в 100 странах мира. По состоянию на 2023 г. под китайским флагом было зарегистрировано 9222 судна общей грузоподъемностью около 127,5 млн т. Совокупный тоннаж торгового флота, находящегося в собственности китайских компаний, оценивается примерно в 258,4 млн брутто-регистровых тонн, включая 1764 танкера общей стоимо-

стью около 47,9 млрд долл. США. По данным на сентябрь 2024 г., суммарный тоннаж флота КНР достиг 430 млн т, что составляет порядка 18,7% мирового тоннажа [Maritime Profile].

КНР заняла доминирующее положение в мировой судостроительной отрасли: по данным американского Центра стратегических и международных исследований, доля страны в мировом выпуске коммерческих судов превышает 50% и продолжает расти, а одна только крупнейшая китайская государственная судоверфь в 2024 г. по тоннажу построила больше судов, чем вся судостроительная промышленность США с конца Второй мировой войны 1939–1945 гг. Эта мощь подкрепляется стратегией «военно-гражданского слияния», позволяющей коммерческим верфям обеспечивать и ускорять развитие военно-морского флота [Funaiole, Hart, Powers-Riggs 2025]. Энергетический сектор в морском хозяйстве КНР также в последние годы набирает обороты (прежде всего морская ветроэнергетика, добыча полезных ископаемых, в том числе нефти и газа).

Длина береговой линии КНР около 18 тыс. км, вдоль нее расположены свыше 700 портов, включая свыше 300 глубоководных гаваней. Такая протяженная и географически разнообразная морская граница создает уникальные возможности для развития портовой инфраструктуры. Государственная политика КНР направлена на формирование и укрепление крупных портовых кластеров, объединяющих морские, речные и железнодорожные транспортные узлы, и обеспечивает эффективную интеграцию внутренних и внешних грузопотоков. Ключевыми портовыми регионами КНР являются Бохайский залив, дельты рек Янцзы и Чжуцзян. В Бохайском кластере сосредоточены такие порты, как Тяньцзинь, Циньхуандао, Цаофэйдянь и Инкоу, обслуживающие северные промышленные регионы и столичный округ. Дельта Янцзы – крупнейший транспортно-логистический узел Восточного Китая, где расположены порты Шанхай и Нинбо-Чжоушань, обеспечивающие связь внутренних провинций с мировыми рынками. Южный кластер в дельте Чжуцзяна включает порты Гуанчжоу и Шэньчжэнь, играющие ведущую роль в обслуживании экспортноориентированных производств и высокотехнологичных отраслей [Maritime Profile].

Япония, являющаяся одной из крупнейших рыболовных держав, обеспечивает около 15% мирового вылова. По оценкам за 2025 г., общий объем вылова составил около 4 млн т. Рыболовство в Японии традиционно разделяется на три основных сегмента. Прибрежное рыболовство, основанное главным образом на малых судах и сетных орудиях лова, дает около 30% суммарного вылова. Океаническое рыболовство осуществляется крупными и средними судами в открытых морских районах и обеспечивает свыше 50% всего улова страны. Аквакультура, представляющая собой искусственное разведение пресноводных и морских видов рыбы и других гидробионтов, динамично развива-

ется во всех 47 префектурах страны и становится все более значимым источником продукции для внутреннего рынка и экспорта (см. подробнее: [Trade Statistics of Japan]).

Япония обладает третьим по величине торговым флотом в мире. Правительство страны активно развивает технологии, которые помогают повысить экологичность судоходства; например, использование судов, работающих на сжижженном природном газе и альтернативных видах топлива – аммиаке и водороде [Future Net Zero with the Japan New Technology 2024, p. 22]. Япония специализируется на строительстве танкеров и контейнеровозов. Согласно данным ООН, Япония в 2023 г. заняла 3-е место по производству судов в мире, произведя 14,9% мирового объема новых судов [United Nations Review of Maritime Transport 2024, p. 37].

Крупнейшие порты Японии (Иокогама, Кобе, Китакюсю, Нагоя, Осака, Токио, Хаката) обеспечивают основную часть внешнеторгового оборота страны и связаны более чем с тысячей зарубежных портов по всему миру. Правительство активно развивает морское хозяйство через инвестиции в инновационные технологии; в частности, поддерживаются проекты по внедрению искусственного интеллекта в навигации и управлении судами, реализуется стратегическая цель – достижение углеродной нейтральности морского сектора к 2050 г. за счет модернизации судостроения и перехода на экологически чистые виды топлива.

Итак, для КНР и Японии морское хозяйство – критически важная часть экономики. Являясь конкурентами в данной сфере, страны нуждаются в нормативно-правовой базе для защиты своих интересов.

Основным международным документом, регулирующим действия государств в акваториях океанов и морей, является Конвенция ООН по морскому праву (ЮНКЛОС), подписанная на Ямайке 10 декабря 1982 г. (вступила в силу в 1994 г.). Свыше 170 государств являются участниками ЮНКЛОС; она легла в основу многих международных документов, прямо касающихся мировых вод. Хотя ЮНКЛОС ратифицирована КНР и Японией в 1996 г., у обеих стран имеются и свои законы, регулирующие морскую деятельность на их территориях.

К основным морским законам Китая, помимо Конституции КНР 1982 г., относятся следующие: о безопасности морских сообщений 1983 г., полезных ископаемых 1986 г., рыболовстве 1986 г., территориальном море и прилежащей зоне 1992 г., об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе 1998 г., управлении использованием морских акваторий 2001 г., охране морских островов 2009 г., о портах 2017 г.

Конституция (ст. 1 и 52) закрепляет суверенитет КНР над ее территорией, включая и морские пространства [Constitution of the People's Republic of China]. В то же время толкование понятия «суверенитет» часто становится предметом дискуссий, особенно когда речь идет о спорных островах и морских акваториях. К примеру, Закон КНР о территориальном море и прилежащей зоне четко

определяет границы территориальных вод страны, но его регламентация вступает в противоречие с претензиями Японии на острова Сенкаку (Дяоюйдао). Опираясь на этот закон, КНР обосновывает свои действия в регионе – патрулирование района спорных островов.

Используя Закон КНР об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе, Китай заявляет, что его исключительная экономическая зона охватывает значительную часть ВКМ, распространяясь и на те его районы, которые Япония считает своими. Это приводит к конфликту интересов, в частности в вопросах добычи полезных ископаемых. КНР также использует этот закон в целях ограничения деятельности иностранных судов в спорных водах, что не может не вызывать недовольство Японии.

Важную роль в территориальных спорах играют Закон КНР об управлении использованием морских акваторий и Закон КНР об охране морских островов, регулирующие использование морских ресурсов и являющиеся инструментами для усиления китайских претензий на спорные острова.

Закон КНР о рыболовстве, регулирующий деятельность в рыболовных зонах Китая, в конфликте с Японией тоже используется как инструмент давления. Китайские рыболовные суда часто в сопровождении береговой охраны интенсивно работают в спорных водах, что ожидаемо приводит к столкновениям с японскими судами. Япония в ответ обвиняет КНР в использовании рыболовства как инструмента для неприкрытого расширения своего влияния в ВКМ.

Следовательно, морские законы КНР не только являются регуляторами ее морской деятельности, но и используются как инструменты в территориальных спорах. Данные законы символизируют стремление КНР защитить национальные интересы, а их трактовка и использование часто вызывают напряженность в отношениях с Японией и становятся причинами конфликтов в регионе.

К основным нормативным актам Японии, регулирующим морскую деятельность, можно отнести законы о: рыболовстве 1949 г., безопасности морского транспорта 1970 г., предотвращении столкновений судов в море 1972 г., сохранении морских живых ресурсов и управлении ими 1996 г., плавании иностранного судна в территориальном море и внутренних водах Японии 2008 г.

Закон о рыболовстве – один из важнейших актов, регулирующих морскую деятельность в Японии [Fisheries Act, 1949], ввел правила лицензирования и распределения квот на вылов рыбы, а в контексте конфликта с КНР он может становиться инструментом давления. Японские рыболовные суда, работающие близ спорных территорий, часто сталкиваются с китайскими судами, что приводит к ухудшению двусторонних отношений. Используя этот закон, Япония защищает своих рыбаков, но она вынуждена искать баланс между обеспечением их безопасности и недопущением эскалации конфликта.

Законы о безопасности морского транспорта и предотвращении столкновений судов в море направлены на обеспечение безопасности судоходства.

В условиях активности китайских судов близ спорных островов они приобретают дополнительный окрас: Япония усиливает патрулирование своих акваторий для того, чтобы препятствовать столкновениям судов или незаконному проникновению иностранных кораблей.

Закон о сохранении морских живых ресурсов и управлении ими показывает приверженность Японии устойчивому использованию морских ресурсов [Act on Conservation and Management of Living Marine Resources], но в условиях конфликта с КНР и он превращается в инструмент противостояния. Большинство китайских судов, занимающихся рыболовством в спорных водах, игнорируют японские правила, поэтому Японии приходится балансировать между защитой своих интересов и сотрудничеством с КНР в сохранении морских экосистем.

Закон о плавании иностранного судна в территориальном море и внутренних водах Японии регулирует проход иностранных судов через японские воды. С его помощью Япония обосновывает свои действия – задержание нарушителей и усиление контроля над спорными территориями, когда китайские суда нарушают границы территориальных вод Японии близ спорных островов.

Итак, морские законы обеих стран не только регулируют их морскую деятельность, но и являются важными инструментами в территориальном споре. Отношения между КНР и Японией остаются напряженными из-за множества факторов – экономических, политических и территориальных. Конфликт в ВКМ является одним из подобных факторов. Однако как давно этот спор превратился в точку противостояния между странами и действительно ли он настолько критичен, как о нем стало принято говорить в последние годы?

Динамика территориального конфликта: стратегическая значимость или проекция ухудшения отношений?

Архипелаг Сенкаку (по-японски), или Дяоюйдао (по-китайски), в ВКМ – это группа из восьми островов общей площадью 6 км^2 в 170 км северо-восточнее Тайваня и в 410 км юго-западнее г. Наха – центра японской префектуры Окинава. Острова небольшие, некоторые из них едва выступают из воды и ценности как таковой не имеют. Однако владение ими скрывает в себе стратегические выгоды. Во-первых, это наличие залежей полезных ископаемых. По данным исследования, проведенного в 1968 г. Экономической и социальной комиссией ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), в районе Сенкаку (Дяоюйдао) могут располагаться значительные (10–100 млрд баррелей) запасы нефти [Киреева 2013, с. 232]. Во-вторых, это расширение зоны военного и гражданского судоходства.

Япония и КНР настаивают, что архипелаг принадлежит им, обосновывая свои претензии историческими картами. Упоминания об этих островах и их использовании китайскими рыбаками встречаются в китайских источниках еще со времен династии Мин (XIV–XVII вв.).

Истоки конфликта в ВКМ уходят к концу XIX в., когда Китай ослабел, а Япония после Реставрации Мэйдзи 1868 г. начала проводить политику колониальной экспансии [Beasley 1987, p. 27–41]. Японский предприниматель Кога Тацусиро одним из первых проявил экономический интерес к Сенкаку (Дяоюйдао). Узнав о большом числе альбатросов, обитающих там, он решил заняться сбором их пуха для продажи и направил в 1885 г. соответствующее прошение своему правительству.

После победы над Китаем в войне 1894–1895 гг.[1] Япония официально включила архипелаг в состав префектуры Окинава, поскольку он якобы не принадлежал ни одному государству и считался «ничьей» территорией. Тогда же Кога Тацусиро был на 30 лет бесплатно наделен правом пользования четырьмя островами – Уоцурисима, Куба, Кита-Кодзима и Минами-Кодзима, где он организовал промысел[2].

Получив статус регионального гегемона, Япония начала активно укреплять свое влияние. В 1900 г. она дала спорным островам название.

После окончания Второй мировой войны и капитуляции Японии архипелаг перешел под временное управление США, что, однако, не означало окончательного определения его статуса. По соглашению о возвращении Окинавы от 17 июня 1971 г., США передали острова под административный контроль Японии, хотя, согласно п. 8 Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г., должны были передать их Китаю. При этом США не признали острова юридически японскими, сохранив «стратегическую двусмысленность».

КНР заявила о правах на спорные острова в декабре 1971 г., после того как К. Эмери совместно с тайваньскими и корейскими геологами и при содействии Службы военно-морской океанографии США подтвердил гипотезу о наличии в акватории около архипелага запасов нефти и газа, сопоставимых с ресурсами Ближнего Востока (результаты исследования обнародованы в 1969 г.) [У Дэкунь, У Яньбинь 2017, с. 99]. Нефть и тогда, и сегодня – очень важный «винтик» в механизме мировой экономики, и большому и густонаселенному Китаю, и Японии, которая не отличается наличием запасов полезных ископаемых, желательно владеть столь нефтеносной акваторией. Тайвань одновременно с КНР заявил о праве на острова, но его конфликт с Японией по этому поводу никогда не переходил в «горячую» фазу.

Когда США передали острова Японии, отношения между КНР и Японией были в фазе улучшения. Правительства КНР и Японии 29 сентября 1972 г.

1. Китайско-японская война завершилась Симоносекским мирным договором, согласно которому Китай уступил Японии Тайвань и Ляодунский полуостров (его Япония вернула под давлением России, Германии и Франции).

2. В 1930-е годы эти острова купил сын Кога Тацусиро Зэндзи, в 1970-е годы их приобрела семья Курихара.

подписали совместное коммюнике, продемонстрировавшее общее стремление стран начать новый этап в отношениях. В августе 1978 г. КНР и Япония заключили Договор о мире и дружбе, зафиксировав в нем обоюдный отказ от амбиций становиться гегемонами в АТР или любом другом регионе и обязательство не поддерживать страны, стремящиеся к гегемонии. Договор улучшил двусторонние отношения и приостановил территориальный конфликт.

Конец XX в., однако, ознаменовался экономическим подъемом Китая и упадком Японии. КНР в ходе рыночных реформ активно развивалась и стала к 2010 г. второй экономикой мира. В 1990-х годах китайский экспорт рос в среднем на 12,4% в год, в начале 2000-х годов – на 20,3% [Silva-Ruete 2006]. КНР активно наращивает и военную мощь; правительство увеличило финансирование Народно-освободительной армии Китая, в том числе военно-морского флота, что способствовало укреплению военного присутствия страны в ВКМ.

Напротив, 1990-е годы для Японии стали «потерянным десятилетием»: обвал фондового рынка в 1991 г., вызванный крахом финансового «пузыря», привел к дефляции и долговому кризису (см. подробнее: [Носов 2020]). В стране случилась стагнация, среднегодовой прирост валового внутреннего продукта составлял 0,9%, что было значительно ниже среднего по Организации экономического сотрудничества и развития и более чем в 2 раза меньше, чем в США. Этот период характеризовался низкими инвестициями и сокращением потребительского спроса.

На таком фоне в 1992 г. спор о принадлежности островов возобновился. Тогда был принят Закон КНР о территориальном море и прилежащей зоне, согласно которому Сенкаку (Дяоюйдао) являются частью Китая. КНР потребовала передать острова под ее юрисдикцию, ссылаясь на то, что до войны 1894–1895 гг. они были частью провинции Тайвань имперского Китая. Но Япония в ответ в 1996 г. объявила острова частью своей исключительной экономической зоны.

В 2003 г. китайская сторона начала бурить скважины и монтировать морскую платформу близ спорных островов. В 2004 г. рядом с архипелагом японцы обнаружили китайские исследовательские суда (свыше 20) и атомную подводную лодку. В 2005 г. японские власти объявили о выдаче лицензий фирмам, готовым добывать нефть близ спорных островов [Муратшина, Попова 2012, с. 6].

Следствием новой конфликтной ситуации стали китайско-японские консультации, завершившиеся в 2008 г. договоренностью о совместных разработках месторождения Асунаро (Лунцзин), а также японских инвестициях в разработку месторождения Сирикаба (Чуньсяо), которое намеревалась осваивать китайская сторона [там же].

Отметим, что в 1990-е годы Япония имела преимущества в военной сфере благодаря союзу с США, но КНР довольно быстро сократила разрыв, и к 2010 г. баланс сил между странами приблизился к паритету.

В 2012 г. премьер-министр Японии Ёсихико Нода объявил о покупке трех из четырех частных[3] островов архипелага – Уоцурисима, Кита-Кодзима и Минами-Кодзима – у семьи Курихара, тогда как остальные острова архипелага продолжали находиться в государственной или иной частной собственности[4].

Национализация трех островов вызвала резкую реакцию министерств иностранных дел и обороны КНР, массовые антияпонские протесты в китайских городах и временное ограничение экономического сотрудничества с Японией, включая фактическое прекращение экспорта в страну некоторых видов редкоземельных металлов. Конфликт обострился: КНР усилила военное присутствие, начала проводить учения военно-воздушных сил и направила рыболовные суда к архипелагу. В сентябре 2012 г. Тайвань также вмешался, отправив 50 судов, но японские пограничники отбили попытку прорыва. В декабре китайский разведывательный самолет вошел в воздушное пространство Японии, а в январе 2013 г. китайский фрегат взял под прицел японское судно. В ответ Япония создала специальный отряд Сил самообороны, но и КНР учредила Управление морской полиции [Koga 2016, p. 289].

Итак, к началу 2010-х годов Китай, набрав достаточно сил, начал активно продвигать свою политику в отношении спорных островов. До этого он не обладал такой мощью, что объясняет периоды менее активного его участия в территориальном конфликте в ВКМ. Эскалация конфликта стала частью общего изменения ситуации в китайско-японских отношениях.

В 1970–2000-е годы отношения между КНР и Японией прошли путь от партнерских и дружественных до соперническихх. Двусторонние экономические связи в этот период были достаточно тесными. С 1979 г. Китай начал получать официальную помощь от Японии, что способствовало модернизации китайской экономики. Однако политические отношения между странами стали ухудшаться по нескольким причинам. Во-первых, из-за визитов японских премьер-министров в храм Ясукуни в Токио, где поминаются военные преступники, совершавшие зверства в период колониальной экспансии Японии. Во-вторых, быстрый рост китайской экономики Япония начала воспринимать как угрозу своей лидерской позиции в Восточной Азии. КНР стала крупнейшим торговым партнером Японии, но этот процесс сопровождался опасениями Японии по поводу «вытеснения» ее товаров с китайского рынка. Экономически сильный Китай стал менее зависимым от японских инвестиций и, укрепив военную мощь, начал постепенно расширять влияние на международной аре-

3. Несмотря на то, что некоторые острова считаются частной собственностью японских граждан, с конца XIX в. японские власти осуществляли над ними административный контроль.

4. Четвертый из ранее арендованных Кога Тацусиро островов – Куба – остался в частной собственности члена семьи Курихара и не был выкуплен государством в 2012 г.

не, что не могло не вызвать беспокойства Японии. Эти факторы способствовали постепенному отходу экономических отношений на второй план и выходу на первый план политических и территориальных конфликтов.

Решение Японии национализировать три спорных острова вызвало негативную реакцию как правительства КНР, так и китайского общества: массовые антияпонские демонстрации в китайских городах и начало бойкота японских компаний, работавших в стране. Правительство КНР предприняло меры по усмирению активистов, но также заявило о намерении установить собственный административный контроль над спорными территориями [Chao, Tian 2014, p. 24]. Впоследствии обе страны стали посылать патрули вокруг островов.

В октябре 2013 г. министр обороны США Ч. Хейгел заявил, что спорные острова находятся под контролем Японии, и США окажут ей поддержку в случае конфликта с КНР. Несмотря на это, 16 ноября китайские катера снова вошли в спорные воды, уже в 70-й раз с момента объявления Японией о национализации островов. Пик напряженности пришелся на 23 ноября, когда КНР объявила о создании опознавательной зоны в ВКМ, включив в нее воздушное пространство над островами. КНР потребовала от всех воздушных судов заранее предупреждать о пролетах, иначе они могли быть сбиты [Надбитов, Хохолкина 2023, с. 31].

Обстановка разрядилась в ноябре 2014 г., когда Си Цзиньпин и Синдзо Абэ подписали соглашение, включающее обязательство предотвращать дальнейшее обострение ситуации вокруг островов с помощью диалога [Китай и Япония достигли соглашения из четырех пунктов 2014].

Итак, если в 1970-х – начале 2000-х годов отношения между странами были теплыми, то с начала 2000-х годов ситуация стала меняться из-за экономического подъема Китая и усиления его амбиций. Япония восприняла эти изменения ожидаемо враждебно.

На этом фоне территориальный конфликт кажется крайне важным для обеих сторон, так как спорные острова имеют стратегическое значение.

Во-первых, они расположены в ключевой точке ВКМ: владение островами позволит странам контролировать морские пути и зоны рыболовства, расширить исключительную экономическую зону и усилить военное присутствие в регионе, однако острова необитаемы и построить на них что-либо весьма сложно.

Во-вторых, обладание островами может сыграть значительную роль в обеспечении энергетической безопасности их владельца, хотя близ архипелага трудно добывать нефть или газ из-за географических особенностей акваторий.

Насколько в действительности значим этот конфликт? В пользу ответа «да» можно привести два аргумента. Острова играют определенную роль в поддержании баланса сил в регионе: если КНР получит над ними контроль, то ее лидерство станет неоспоримым, что также даст ей дополнительные рычаги давления на соседние страны. Спорные территории стали символом национального суверенитета обеих стран, что делает архипелаг важным эле-

ментом их внутренней политики. В пользу ответа «нет» можно сказать, что, хотя в районе спорных островов действительно имеются значительные запасы полезных ископаемых, но небольшая площадь и необитаемость островов, а также сложность добычи ресурсов, требующая крупных инвестиций и современных технологий, делают экономическую ценность островов ограниченной.

Если учитывать вышеперечисленные факторы и историю развития конфликта, то можно заключить, что его эскалация происходит в периоды ухудшения китайско-японских отношений, а это случается из-за изменения баланса сил в регионе. В 1895–1945 гг. гегемоном в Восточной Азии являлась Япония, активно проводившая политику экспансии и захватившая часть китайской территории. 1945–2000-е годы – это период равновесия, когда Япония из-за поражения в войне утратила позиции, несмотря на быстрый экономический рост до начала 1990-х годов, а Китай только начинал набирать силу. Далее последовал период быстрого экономического роста КНР, что выразилось в усилении его геополитических амбиций. Изменение баланса сил и гегемона в регионе привело к эскалации конфликта: когда Китай начал позиционировать себя как регионального лидера, то, естественно, начали расти его претензии к соседям, а Япония восприняла это как угрозу, что стало толчком к обострению конфликта.

В итоге, можно сделать вывод, что эскалация территориального спора в ВКМ – это преимущественно проекция общего ухудшения двусторонних отношений. В известном смысле конфликт «надуман», но это не делает его менее опасным: он может стать источником напряжения во всей Восточной Азии, особенно если войдет в резонанс с другими региональными конфликтами и начавшимся геополитическим соперничеством КНР и США.

Между партнерством и прагматизмом: Россия и конфликт в ВКМ

Конфликт в ВКМ вписывается в более широкое противостояние Вашингтона и Пекина, проявляющееся в торговых войнах и других столкновениях стратегических интересов.

США укрепляют альянсы с Австралией, Индией, Республикой Корея (Южной Кореей) и другими странами, а КНР развивает военно-морские силы, строит базы в ЮКМ и претендует на острова Сенкаку (Дяоюйдао). Вашингтон поддерживает Токио как ключевого союзника, заявляя о готовности защищать Японию. США ссылаются на американо-японский Договор безопасности 1951 г. (обновлен в 1960 г.), согласно которому они обязаны обеспечивать безопасность Японии. Конфликт в ВКМ влияет и на другие споры в Восточной Азии, создавая «эффект домино». Эскалация здесь отражается на ситуации в Тайваньском проливе и ЮКМ.

Особое значение имеет «треугольник» Япония – КНР – Республика Корея, где исторические противоречия переплетаются с попытками экономической

интеграции. Япония и Корея тоже спорят – за острова Докдо (Такэсима), а также остаются в конфликте из-за колониального прошлого и вопроса компенсаций жертвам Второй мировой войны. Несмотря на это, они обсуждают с КНР создание трехсторонней зоны свободной торговли.

Для Китая ВКМ – «тренировочная площадка» для отработки различных стратегий давления – таких, как милитаризация островов, объявление зон противовоздушной обороны, использование «серых зон». Эти же методы применяются и в многостороннем территориальном конфликте в ЮКМ. Усиление позиций КНР усложняет действия США по защите Тайваня: в ответ США и их союзники (Австралия, Республика Корея и др.) проводят военные учения и наращивают присутствие, удерживая ситуацию в состоянии хрупкого равновесия.

Хотя конфликт в ВКМ не имеет прямого отношения к России, он все же затрагивает ее интересы из-за стратегического партнерства с КНР и спора с Японией о принадлежности Курильских островов. Правительство Российской Федерации воспринимает этот территориальный спор не только как проблему границ, но и как вопрос о собственной сфере влияния в АТР. Курильские острова предоставляют российскому Военно-морскому флоту выход к Тихому океану и играют важную роль в российской стратегии ядерного сдерживания. Кроме того, передача четырех спорных островов Японии нанесет удар по геополитическому влиянию России, так как Дальневосточный регион, включающий Курильские острова, – это воплощение азиатско-тихоокеанского и мирового статуса России. Хорошие отношения Японии с США и возможное улучшение китайско-японских отношений могут ослабить российские позиции на переговорах с Японией, что делает конфликт в ВКМ стратегически важным для России.

Не будучи непосредственным участником территориального спора в ВКМ, Россия должна решить, поддержать ли ей своего стратегического партнера или же выбрать нейтралитет. На первый взгляд, поддержав КНР, Россия получит ряд преимуществ: укрепит стратегическое партнерство, что особенно важно в условиях санкционного режима; потенциально получит ответную поддержку КНР по Курильскому вопросу. Однако тем самым может усилиться зависимость самой России от Китая. Это, в свою очередь, позволит Пекину активнее продвигать свои интересы и не даст российским властям при необходимости проявить гибкость: однозначная поддержка китайской позиции закроет возможности для маневра в отношениях с Японией и другими странами АТР, а также может спровоцировать дополнительную напряженность и привести к эскалации конфликтов вблизи российских границ.

Участие России в территориальном конфликте в ВКМ представляется маловероятным и нецелесообразным по ряду причин. Во-первых, Россия вовлечена в затяжной вооруженный конфликт на Украине, и участие в новом международном противостоянии негативно скажется на ее международной репутации и внутренней стабильности; текущая международная обстановка,

во многом обусловленная украинским кризисом, требует от России осторожности в выборе внешнеполитических приоритетов.

Во-вторых, фактор амбиций КНР также вызывает определенные опасения: несмотря на существующее стратегическое партнерство Москвы и Пекина, усиление гегемонистских устремлений КНР может создать проблему для России, особенно с учетом географической близости двух государств и наличия отдельных исторически обусловленных территориальных разногласий.

В-третьих, вопрос принадлежности Курильских островов в настоящее время не рассматривается Россией как источник непосредственной угрозы. Несмотря на регулярные заявления Японии о необходимости заключения мирного договора и возвращения островов, японские власти не делали практических шагов к эскалации. В этом контексте территориальный спор с Японией носит для России преимущественно символический характер: российская сторона избегает конфронтационной риторики, рассчитывая на перспективу постепенной нормализации и стабилизации двусторонних отношений.

В-четвертых, сохранение и развитие сотрудничества и с КНР, и с Японией остается для России наиболее прагматичным и выгодным внешнеполитическим курсом. Япония – значимый экономический и технологический партнер, потенциальный источник инвестиций и передовых разработок. Укрепление конструктивного диалога с Японией соответствует национальным интересам России и способствует поддержанию стратегического баланса в АТР.

Итак, можно сказать, что для России лучший выбор – придерживаться нейтралитета, и эта политика может дать ей определенные преимущества, среди них: сохранение автономности во внешней политике при условии поддержания дипломатического диалога с обеими сторонами; использование принципа «ненаправленности против третьих стран»; возможности для маневра по Курильскому вопросу. Сохранение нейтралитета позволит России избежать риска изменения позиции КНР по вопросу российско-японского территориального спора в случае, если Пекин посчитает поддержку Москвой его интересов недостаточной. Нейтральная российская позиция снижает вероятность вовлечения страны в потенциальный конфликт КНР и Японии и/или США, что приобретает особую значимость в условиях сложной геополитической ситуации, в которой находится Россия.

Заключение

Территориальный конфликт в ВКМ – один из наиболее многослойных и сложных вызовов для региональной стабильности в Восточной Азии. Хотя спорные острова Сенкаку (Дяоюйдао) необитаемы и имеют ограниченную экономическую перспективу, они приобрели большое политическое и символическое значение для КНР и Японии, став не столько объектом борьбы за

ресурсы, сколько инструментом демонстрации силы и ведения выгодной внешней политики.

Множество факторов (от историко-правовых до вовлеченности США) усложняют данный конфликт, который сам по себе является проекцией более глубоких и комплексных процессов, происходящих в китайско-японских отношениях. Динамику конфликта определяет преимущественно изменение баланса сил в регионе. В периоды усиления Китая и его геополитических амбиций, а также ослабления Японии, как правило, спор обостряется, в относительно стабильные периоды он принимает «замороженный» характер. Поэтому эскалация конфликта – это не столько прямая борьба за ресурсы или территорию, сколько отражение общего уровня напряженности в политико-дипломатических отношениях между странами.

В настоящее время политика КНР направлена на расширение ее влияния в АТР и в целом в мире, а также на становление в качестве мировой сверхдержавы, что вызывает опасения соседей, в частности Японии. Несмотря на резкую риторику, обе стороны стремятся избежать прямого вооруженного столкновения, предпочитая давление и демонстрацию силы.

В итоге можно заключить, что территориальный конфликт в ВКМ – это не столько вопрос географии или экономики, сколько отражение роста амбиций одной стороны и стремления другой сохранить прежние позиции. Развитие конфликта показывает, что его урегулирование невозможно без общего улучшения двусторонних отношений.

Библиография

Бессам А. Причины международных морских споров // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 1. С. 51–53.

Дериглазова Л.В. Конфликты в международных отношениях: учебное пособие. Томск: Издательство Томского университета, 2013. 316 с.

Киреева А.А. Проблема разграничения акватории и освоения энергетических ресурсов Восточно-Китайского моря между Китаем и Японией // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2013. № 21 (122). С. 231–242.

Китай и Япония достигли соглашения из четырех пунктов // Жэньминь жибао. 08.11.2014. URL: http://russian.people.com.cn/n/2014/1108/c31521-8806107.html (дата обращения: 09.06.2025).

Маккиндер Х. Географическая ось истории. М.: АСТ, 2023. 350 с.

Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М.: Айрис-Пресс, 2013. 320 с.

Муратшина К.Г., Попова Т.А. Япония – Китай: спор вокруг островов Сэнкаку // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2012. № 4. С. 5–8.

Надбитов Р.К., Хохолкина Л.К. К вопросу о территориальной принадлежности островов Сэнкаку (Дяоюйдао) // Вестник Калмыцкого университета. 2023. № 1 (57). С. 27–33.

Носов М.Г. Япония: конец «чуда» и «конец истории» (1989–2019) // США & Канада: экономика – политика – культура. 2020. № 8. С. 7–29.

У Дэкунь, У Яньбинь. Территориальные споры между КНР и Японией // Общество: философия, история, культура. 2017. № 5. С. 98–101.

Act on Conservation and Management of Living Marine Resources // Japanese Law Translation. URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3882/en (дата обращения: 10.06.2025).

Beasley W.G. Japanese Imperialism 1894–1945. New York: Oxford University Press, 1987. 279 p.

Chao C.C., Tian D. Disputes over the Diaoyu/Senkaku Islands: Communication Tactics and Grand Strategies // Journal of International Relations and Foreign Policy. 2014. Vol. 2, N 2. P. 19–47.

China's Marine Economy Hits Record 10.5 trillion yuan in 2024 // State Council Information Office of the People's Republic of China. 25.02.2025. URL: http://english.scio.gov.cn/pressroom/2025-02/25/content_117731425.html (дата обращения: 30.06.2025).

China: 2025. China Fishery Products Report // USDA Foreign Agricultural Service. 20.03.2025. URL: https://www.fas.usda.gov/data/china-2025-china-fishery-products-report (дата обращения: 29.12.2025).

Constitution of the People's Republic of China // Congressional-executive Commission on China. URL: https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/chinas-constitution (дата обращения: 30.05.2025).

Fisheries Act, 1949 // Food and Agricultural Organization of the United Nations. URL: https://www.fao.org/faolex/results/details/en/c/LEX-FAOC001710/ (дата обращения: 15.06.2025).

Funaiole M.P., Hart B., Powers-Riggs A. China Dominates the Shipbuilding Industry // Center for Strategic and International Studies. 25.03.2025. URL: https://www.csis.org/analysis/china-dominates-shipbuilding-industry (дата обращения: 05.12.2025).

Future Net Zero with the Japan New Technology. [S.l.: s.n.], 2024. 22 p. URL: https://www.jstra.jp/PDF/Shipbuilding%20in%20Japan%202024.pdf (дата обращения: 20.06.2025).

Koga K. The Rise of China and Japan's Balancing Strategy: Critical Junctures and Policy Shifts in the 2010s // Journal of Contemporary China. 2016. Vol. 25, Iss. 101. P. 777–791.

Maritime Profile: China // UN Trade and Development. URL: https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/MaritimeProfile/en-GB/156/index.html (дата обращения: 05.12.2025).

Silva-Ruete J. The Development of China's Export Performance // International Monetary Fund. 06.03.2006. URL: https://www.imf.org/en/news/articles/2015/09/28/04/53/sp030706 (дата обращения: 29.12.2025).

Trade Statistics of Japan // Ministry of Finance Japan. URL: https://www.customs.go.jp/toukei/shinbun/happyou_e.htm (дата обращения: 29.12.2025).

United Nations Review of Maritime Transport 2024. Navigating Maritime Chokepoints. Geneva [s. n.], 2024. 148 p.

References

Act on Conservation and Management of Living Marine Resources. Japanese Law Translation. URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3882/en (date of access: 10.06.2025).

Beasley W.G. Japanese Imperialism 1894–1945. New York: Oxford University Press, 1987. 279 p.

Bessam A. Prichiny mezhdunarodnykh morskikh sporov [Causes of Maritime Disputes]. Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii [The Review of Economy, the Law and Sociology]. 2022. N 1. P. 51–53. (In Russ.)

Chao C.C., Tian D. Disputes over the Diaoyu/Senkaku Islands: Communication Tactics and Grand Strategies. Journal of International Relations and Foreign Policy. 2014. Vol. 2, N 2. P. 19–47.

China: 2025. China Fishery Products Report. USDA Foreign Agricultural Service. 20.03.2025. URL: https://www.fas.usda.gov/data/china-2025-china-fishery-products-report (date of access: 29.12.2025).

China's Marine Economy Hits Record 10.5 trillion yuan in 2024. State Council Information Office of the People's Republic of China. 25.02.2025. URL: http://english.scio.gov.cn/pressroom/2025-02/25/content_117731425.html (date of access: 30.06.2025).

Constitution of the People's Republic of China. Congressional-executive Commission on China. URL: https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/chinas-constitution (date of access: 30.05.2025).

Deriglazova L.V. Konflikty v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: uchebnoe posobie [Conflicts in international relations: a textbook for students]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2013. 316 p. (In Russ.)

Fisheries Act, 1949. Food and Agricultural Organization of the United Nations. URL: https://www.fao.org/faolex/results/details/en/c/LEX-FAOC001710/ (date of access: 15.06.2025).

Funaiole M.P., Hart B., Powers-Riggs A. China Dominates the Shipbuilding Industry. Center for Strategic and International Studies. 25.03.2025. URL: https://www.csis.org/analysis/china-dominates-shipbuilding-industry (date of access: 05.12.2025).

Future Net Zero with the Japan New Technology. [S.l.: s.n.], 2024. 22 p. URL: https://www.jstra.jp/PDF/Shipbuilding%20in%20Japan%202024.pdf (date of access: 20.06.2025).

Kireeva A.A. Problema razgranicheniya akvatorii i osvoeniya energeticheskikh resursov Vostochno-Kitaiskogo morya mezhdu Kitaem i Yaponiei [The problem of demarcation of the water area and development of energy resources of the East China Sea by China and Japan]. Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of RSUH. Series: Political Science. History. International Relations]. 2013. N 21 (122). P. 231–242. (In Russ.)

Kitai i Yaponiya dostigli soglasheniya iz chetyrekh punktov [China and Japan reached a four-point agreement]. Renmin ribao [People's Daily]. 08.11.2014. URL: http://russian.people.com.cn/n/2014/1108/c31521-8806107.html (date of access: 09.06.2025). (In Russ.)

Koga K. The Rise of China and Japan's Balancing Strategy: Critical Junctures and Policy Shifts in the 2010s. Journal of Contemporary China. 2016. Vol. 25, Iss. 101. P. 777–791.

Maritime Profile: China. UN Trade and Development. URL: https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/MaritimeProfile/en-GB/156/index.html (date of access: 05.12.2025).

McKinder H. Geograficheskaya os' istorii [The Geographical Pivot of History]. Moscow: AST, 2023. 350 p. (In Russ.)

Mechnikov L.I. Tsivilizatsiya i velikie istoricheskie reki [Civilization and the great historical rivers]. Moscow: : Airis-Press, 2013. 320 p. (In Russ.)

Muratshina K.G., Popova T.A. Yaponiya – Kitai: spor vokrug ostrovov Senkaku [Japan – China: dispute around the Senkaku Islands]. Elektronnoe prilozhenie k Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu [Electronic Supplement to the Russian Legal Journal]. 2012. N 4. P. 5–8. (In Russ.)

Nadbitov R.K., Khokholkina L.K. K voprosu o territorial'noi prinadlezhnosti ostrovov Senkaku (Dyaoyuidao) [On the question of the territorial affiliation of the Senkaku (Diaoyu) islands]. Vestnik Kalmytskogo universiteta [Bulletin of the Kalmyk University]. 2023. N 1 (57). P. 27–33. (In Russ.)

Nosov M.G. Yaponiya: konets «chuda» i «konets istorii» (1989–2019) [Japan: the End of the "Miracle" and the "End of History" (1989–2019)]. SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura [USA & Canada: economics, politics, culture]. 2020. N 8. P. 7–29. (In Russ.)

Silva-Ruete J. The Development of China's Export Performance. International Monetary Fund. 06.03.2006. URL: https://www.imf.org/en/news/articles/2015/09/28/04/53/sp030706 (date of access: 29.12.2025).

Trade Statistics of Japan. Ministry of Finance Japan. URL: https://www.customs.go.jp/toukei/shinbun/happyou_e.htm (date of access: 29.12.2025).

United Nations Review of Maritime Transport 2024. Navigating Maritime Chokepoints. Geneva [s. n.], 2024. 148 p.

Wu Dekun, Wu Yanbin. Territorial'nye spory mezhdu KNR i Yaponiei [Territorial disputes between the People's Republic of China and Japan]. Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura [Society: philosophy, history, culture]. 2017. N 5. P. 98–101. (In Russ.)